

свою заповѣдь о непротивленіи слѣдующимъ чисто ариѳметическимъ силлогизмомъ: противопоставляя злу насиліе, я тѣмъ самымъ присоединяю къ этому злу новое зло, отчего первоначальное зло ($1+1=2$) лишь удваивается. Въ основѣ этого силлогизма лежитъ очевидное смѣшеніе понятій. Я никакъ не могу признать полнаго тождества между такими двумя различными понятіями, какъ *сила* и *насиліе*, не могу подводить подъ понятіе насилія всякое примѣненіе *физической силы*, направленное противъ очевиднаго насилія. Если я, на примѣръ, своимъ физическимъ усиліемъ отрываю руку насильника, схватившаго меня за горло, то было бы страннымъ говорить въ данномъ случаѣ о какомъ-либо насиліи съ *моей* стороны. Точно также не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было насиліи, если я обезвреживаю бѣшеную собаку, бросающуюся на беззащитныхъ. Толстой правъ: всякое *насиліе* предосудительно, но его нѣтъ и не можетъ быть въ томъ физическомъ усиліи, посредствомъ коего преодолевается насиліе. Называть такое физическое усиліе тоже *зломъ*—нѣтъ у насъ положительно никакого основанія, ни нравственнаго, ни ариѳметическаго. Дѣйствительная жизнь знаетъ совершенно иную „ариѳметику“: насиліе, не встрѣчающее сопротивленія, тѣмъ самымъ уже пріобрѣтаетъ хроническій характеръ, возводится въ систему, въ обычную или правовую норму, т. е. порождаетъ изъ себя уже не 2 или 3 или 4 зла, а нескончаемое множество.

Далѣе. Толстой требовалъ отъ каждой личности *нравственнаго самосовершенствованія*. Дѣло это было бы, конечно, хорошимъ и полезнымъ, если бы при этомъ не забывалось, что направленная по адресу голодныхъ и обездоленныхъ рабочихъ массъ эта проповѣдь принимаетъ характеръ злой ироніи, а по отношенію къ сытымъ и имущимъ она является гласомъ воиющаго въ пустынѣ, ибо—сошлюсь на слова самого Толстого—„наибольшую глухотой страдаютъ тѣ, которые не хотятъ слышать“. Въ исключительныхъ случаяхъ эта нравственная проповѣдь способна увлекать за собой нѣкоторые общественные элементы, но и въ данномъ случаѣ вся цѣнность ея будетъ всецѣло зависѣть отъ ея содержанія. Толстой, какъ извѣстно, требовалъ въ качествѣ „первой степени“ нравственнаго самосовершенствованія отказъ отъ убой-